

УДК 821. 161. 1

Русский язык в системе образования Туркестана в конце XIX – начале XX веков

Рустам М. Садыков¹, Мукаррама А. Бердиева², Айдар М. Калимуллин³, Лочин Э. Турсунов⁴

¹ *Ташкентский международный университет Кимё, Ташкент, Узбекистан*
E-mail: sadikovrustam2@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4093-189X>

² *Ташкентский международный университет Кимё, Ташкент, Узбекистан*
E-mail: mukarratab65@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0389-7442>

³ *Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, Самарканд, Узбекистан;*
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
E-mail: kalimullin@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>

⁴ *Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан*
E-mail: luchanno7777@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-9834>

DOI: 10.26907/esd.20.3.14

EDN: YTTTKC

Дата поступления: 15 июля 2025; Дата принятия в печать: 5 сентября 2025

Аннотация

Научные дискуссии о распространении русского языка в Центральной Азии в дореволюционный период приобрели в последние три десятилетия заметный политизированный характер. «Эффект маятника» в оценке исторического прошлого, выразившийся в переходе от советской идеализации к национальной критике в период независимых государств, не позволяет показать объективную роль русского языка в политической, экономической и социальной жизни Туркестана в конце XIX – начале XX веков. Односторонний анализ создает трудности в реализации языковой стратегии в современном Узбекистане, где в соответствии с Законом «О государственном языке» все народы республики имеют равные права и возможности. Целью данной статьи является объективный и всесторонний анализ процесса интеграции русского языка во все сферы жизнедеятельности узбекского общества на рубеже XIX–XX веков, заложившего основу для масштабных перемен в советское время. Метод контекстуализации позволяет комплексно раскрыть исторические, социальные и экономические условия развития языковых процессов в конкретный хронологический период, связанный с политическими задачами российского государства по освоению Туркестанского края, включавшего территорию современного Узбекистана. На этой основе сформулирован ряд дискуссионных вопросов, связанных с тем, насколько исторический опыт может быть востребован на современном этапе.

Ключевые слова: русский язык, Туркестан, Узбекистан, дореволюционный период, языковая политика, джадидизм.

Russian language in the education system of Turkestan in the late 19th – early 20th centuries

Rustam Sadikov¹, Mukarrama Berdiyeva², Aydar Kalimullin³, Lochin Tursunov⁴

¹ *Kimyo International University in Tashkent, Tashkent, Uzbekistan*

E-mail: sadikovrustam2@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4093-189X>

² *Kimyo International University in Tashkent, Tashkent, Uzbekistan*

E-mail: mukarramab65@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0389-7442>

³ *Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Uzbekistan;*

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: kalimullin@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7788-7728>

⁴ *Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan*

E-mail: luchanno7777@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-9834>

DOI: 10.26907/esd.20.3.14

EDN: YTITKC

Submitted: 15 July 2025; Accepted: 5 September 2025

Abstract

Scientific discussions about the spread of the Russian language in Central Asia in the pre-revolutionary period have acquired a noticeable politicized character in the last three decades. The “pendulum effect” in the assessment of the historical past, expressed in the transition from Soviet idealization to national criticism during the period of independent states, does not allow us to show the objective role of the Russian language in the political, economic and social life of Turkestan in the late 19th – early 20th centuries. A one-sided analysis creates difficulties in the implementation of a language strategy in modern Uzbekistan, where, in accordance with the Law “On the State Language”, all peoples of the republic have equal rights and opportunities.

The purpose of this article is an objective and comprehensive analysis of the process of integration of the Russian language into all spheres of life of Uzbek society at the turn of the 19th and 20th centuries, which laid the foundation for large-scale processes in Soviet times. The contextualization method allows us to comprehensively reveal the historical, social and economic conditions for the development of language processes in a specific chronological period associated with the political tasks of the Russian state to develop the Turkestan region, which included the territory of modern Uzbekistan. On this basis, a number of discussion questions have been formulated related to the extent to which historical experience can be in demand at the present stage.

Keywords: Russian language, Turkestan, Uzbekistan, pre-revolutionary period, language policy, Jadidism.

Введение

Территория современного Узбекистана, расположенная в Центральной Азии, является одним из древнейших мест нашей планеты, населенных человеком. Расположение между двумя полноводными реками Сырдарьей и Амударьей, разнообразный климат и ландшафт, богатые природные ресурсы способствовали его активному развитию на различных исторических этапах. История этих мест богата именами великих просветителей и политических деятелей Востока, таких как Аль-

Хорезми, Аль-Фергани, Абу Али ибн Сина, Мирзо Улугбек, Бобур и многих других, чьи фундаментальные научные труды являются достоянием всего человечества (Rakhimov, 2018). Период с IX по XV века можно назвать периодом расцвета науки в Центральной Азии, когда были достигнуты значительные успехи в математике, астрономии, медицине, философии и других областях научного знания.

К началу продвижения России в Центральную Азию во второй половине XIX века на территории современного Узбекистана, более известного в то время как Туркестан, здесь располагались Хивинское и Кокандское ханства, а также Бухарский эмират (Abdirashidov, 2011; Bekishev, 2018; Daudov et al., 2018). Присоединенные территории находились в составе Российской империи до 1917 года, что повлекло за собой серьезную трансформацию образования в крае, в том числе оказало серьезное влияние на подготовку учителей для светских русских и туземных (для местного населения) школ. Развитие светского образования непосредственно зависело на том этапе от распространения русского языка как основного инструмента взаимодействия народов (Khairutdinova et al., 2023).

Исторически различные языки в мире становились средством коммуникации для соседствующих или далеких друг от друга стран, формировавших политические и экономические объединения. История человечества демонстрирует примеры возвышения и распространения различных языков, например древнегреческого, латинского, арабского, испанского, английского и других. Некоторые из них постепенно потеряли свое значение в международном контексте, другие, наоборот, распространились на новые территории.

В современном мире насчитывается 7-10 международных языков, ставших средством межнационального общения. Среди них и русский язык, входящий в восточнославянскую группу славянской ветви индоевропейской языковой семьи, но, тем не менее, являющийся инструментом коммуникации для тюркских, монгольских, финно-угорских и других народов, втянутых в орбиту российского государства на различных исторических этапах. К их числу относятся народы современной Республики Узбекистан, территория которого с 1840-х годов испытала последовательное и возрастающее воздействие Российской империи, постепенно политически и экономически освоившей весь Туркестанский край (Menter & Kalimullin, 2025). В основе многих процессов лежал именно русский язык, выполнявший не только функции межнационального общения, но и администрирования на присоединенной территории.

В течение XX – начала XXI веков сформировалось несколько подходов к оценке распространения русского языка на территории современного Узбекистана в дореволюционный период, которые приводят к полярным и противоречивым выводам, затрудняющим процесс воссоздания исторической правды и создающим потенциальные трудности для продуктивного сотрудничества двух стран в настоящее время (Valeeva & Kalimullin, 2024). Историю невозможно изменить или переписать, поэтому ученые должны находить не только отрицательное, но и положительное в событиях прошлого. В данной статье узбекистанские и российские исследователи поставили своей *целью* критически изучить языковую реальность на территории современного Узбекистана в конце XIX – начале XX веков, способствовавшей быстрому распространению русского языка на территории края. Достижение поставленной цели стало возможным путем решения ряда *задач*, в частности: анализа политических, экономических и культурологических факторов как основы закономерных изменений, вызванных расширением российского государства; обоснования многовекторности вхождения русского языка в образовательную систему региона. Распространение русского языка на территории Туркестана было связано

как с воздействием сверху – в результате государственной политики России, так и эволюционными процессами снизу, когда интерес к нему стали проявлять представители джадидского движения, торговых кругов, местной аристократии и даже некоторой части мусульманского духовенства (Abdugafurov, 2013; Jumaniyazov, 2018; Öztürk, 2012).

Проблема исследования заключается в объективной оценке интеграции русского языка в образовательную систему Туркестана в конце XIX – начале XX веков на основе критического анализа политизированных искажений этого процесса, сформировавшихся в научной литературе предшествующего периода.

В качестве основного метода исследования был применён метод контекстуализации, представляющий собой способ анализа и интерпретации информации, событий и идей путём помещения их в определённый исторический контекст. Применительно к рассматриваемой проблеме его использование долгое время было затруднено ввиду излишней политизированности гуманитарных наук в дореволюционный, советский и начальный постсоветский периоды.

Для решения поставленных задач был проведён детальный анализ архивных источников, среди которых законодательные акты, учебные программы образовательных учреждений края данного периода и другие материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Узбекистан. Были хронологически систематизированы научные исследования по рассматриваемой проблеме, находящиеся в Национальной библиотеке Республики Узбекистан имени Алишера Навои. Систематизация была основана на принципе выделения наиболее значимых материалов дореволюционного, советского и постсоветского периодов, большинство из которых отражали идеологическую направленность своего времени. Отдельную группу составили статьи, опубликованные в международных журналах и включенные в реферативные базы данных Scopus, Web of Science и Google Scholar. Они позволили увидеть оценки рассматриваемого процесса с позиций не только узбекских и российских, но и зарубежных ученых. Данные источники и научная литература позволили наиболее полно раскрыть исторические, социальные и экономические предпосылки многовекторных языковых процессов в Туркестане.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что через языковую ситуацию в конце XIX – начале XX веков можно понять просчеты и достижения государственной политики по распространению русского языка в Узбекистане в дореволюционный и советский периоды, вызывающей наибольшие научные дискуссии на современном этапе. В свою очередь исторический анализ становится основой для прогнозирования процессов интеграции и взаимодействия культур на территории практически всех государств Центральной Азии. Поиск научно обоснованного компромисса в оценках может способствовать отходу от сопротивления и отрицания, наметившихся в последние десятилетия, к использованию и адаптации русского языка в новой политической, экономической и социальной реальности, что является насущной проблемой для некоторых стран постсоветского пространства (Menter & Kalimullin, 2025). В политическом аспекте результаты исследования могут быть использованы для формирования сбалансированной языковой политики в непосредственной связи с межнациональными отношениями в регионе. В образовательном ракурсе это представляется важным для разработки эффективных методик преподавания русского языка как иностранного в многонациональной среде. С точки зрения языковедения результаты исследования позволяют проследить начальный этап распространения русского языка в Туркестане и дают основания для создания историко-лингвистических атласов данного региона.

Анализ литературы предполагает выделение трех основных этапов в историографии рассматриваемой проблемы.

1. Дореволюционный этап, охватывающий период со второй половины XIX века до 1917 года XX века. В рамках его авторы выделили несколько подходов. Наиболее распространённый историко-политический подход, который рассматривает развитие русского языка как неотъемлемую часть государственной политики Российской империи, центральной идеей которой выступал русский язык как инструмент «цивилизаторской миссии». Подтверждение этому мы можем обнаружить в работах В. Наливкина (Nalivkin, 1913), Н. Остроумова (Ostroumov, 1899), К. Палена (Pahlen, 1964) и др. Другими авторами процесс внедрения русского языка в Туркестане в указанный период рассматривался с социолингвистической точки зрения, центральной идеей которой являлось определение условий распространения русского языка как средства коммуникации внутри туркестанского общества. Данный подход встречается у таких учёных, как С. Граменицкий (Gramenitsky, 1896), В. Наливкин (Nalivkin, 1913) и многих других.

2. Советский этап (период с начала 1920-х годов до 1991 года) охватывает процессы, связанные с образованием Узбекской ССР и её развитием в составе СССР. Подавляющее количество работ, написанных в советское время, предсказуемо строится на марксистско-ленинской методологии, проявлением которой является идеализация социальной и образовательной политики периода социализма. В данном контексте можно выделить многих авторов, например А. Фомченко (Fomchenko, 1983).

3. Современный этап начинается с момента обретения Узбекистаном независимости в 1991 году и продолжается до наших дней. Его отличием являются попытки исследователей дистанцироваться от советского прошлого с акцентом на недостатках его языковой политики. Данная критика часто основывается на идеологических и политических позициях, её можно обнаружить в работах Даудова и др. (Daudov et al., 2018), М. Эгамбердиева и А. Оспановой (Egamberdiyev & Ospanova, 2014) и др.

Это еще раз подчеркивает важность всестороннего анализа языковой ситуации в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX века с учетом предубеждений и искажений, содержащихся в предыдущих исследованиях этой проблемы.

Результаты

Понятно, что страна пытается укоренить свои ценности, мировоззрение, идеологию на присоединенных территориях, оказывая особое внимание образованию, культуре, бытовым аспектам жизни, частично религиозным и гендерным отношениям. Невозможно эти воздействия оценивать только как негативные или позитивные, поддерживая какую-то одну категоричную точку зрения. Авторы данного исследования выступают прежде всего как противники категоричности, что подразумевает невозможность однозначных утверждений и выводов о продвижении русского языка в систему образования Туркестана в конце XIX – начале XX веков. Это позволило сформулировать авторскую позицию по основным вопросам в рамках рассматриваемой проблемы.

О необходимости европеизации Туркестана

Действительно, русские монархисты изначально искренне верили в цивилизаторскую миссию России в Туркестане (Ostroumov, 1899). Термин «цивилизация» воспринимался в те времена как «ознакомление с европейскими методами управления и культурой; вдох свежего воздуха в землю, ограбленную и истощенную веками деспотичными азиатскими правителями; отмена рабства и, наконец, внезапное

замещение деспотичного законодательства Ханов и Эмиров, а также их марионеток – Беков, которые контролировали большую часть богатства их господ <...> с Российскими законами, гарантировавшими всем жителям равноправие, несмотря на их социальное положение» (Pahlen, 1964). Безусловно, точка зрения ученого, сенатора К. К. Палена, являвшегося руководителем огромного проекта по ревизии Туркестанского края в 1908–1909 годах, представляет собой пример абсолютно негативной оценки восточной жизни глазами русского чиновника. Она совершенно не учитывает специфику азиатского общества, его менталитет, культуру, бытовые устои, формировавшиеся тысячелетиями и частично сохранившиеся даже к началу XXI века (Sahadeo, 2007). Современный цивилизационный подход, принятый рядом узбекистанских и российских учёных, требует согласиться с выводом, что западный и восточный миры уникальны по своей сути и некорректны их отождествление или демонстрация преимуществ одного из них.

К вопросу о безграмотности узбекского народа

К сожалению, этот распространенный в научной литературе тезис односторонен и не учитывает тот факт, что на протяжении долгого времени на территории современного Узбекистана достаточно успешно развивалась система национального религиозного образования (Abdirashidov, 2011). Она вполне отвечала потребностям местного общества, но в XIX веке стала уже недостаточной для взаимодействия с внешним миром, соседними странами, от которых можно было получить новые знания в самых разных областях жизнедеятельности (Abdugafurov, 2013). В глобальном контексте подобные противоречия всегда служили стимулом для развития светского образования и науки, переход к которым ведущими европейскими странами был сделан намного раньше. В этом русле стали постепенно развиваться во второй половине XIX века и народы Туркестана, имевшие лишь эпизодические контакты с представителями Британии и Франции, но гораздо более тесные – с Россией и странами арабского Востока (Jumaniyazov, 2018).

Традиционно духовенство на территории края имело огромное влияние на общество, могло организовывать и направлять массы, следовательно, оно обладало огромной властью и производило давление на государственные органы в том числе (Öztürk, 2012). Одним из факторов значительного влияния духовенства на общество являлось образование, так как образовательные функции для многонационального мусульманского населения региона выполняли средние и высшие религиозные школы (медресе), а также начальные школы (мактабы), открывавшиеся здесь со времени утверждения ислама в конце VII – начале VIII веков (Abdirashidov, 2011).

В XIX веке медресе и мактабы (мектебы) располагались по всей территории Туркестана в таких городах, как Ташкент, Самарканд, Хива, Коканд и т.д., но одним из ведущих образовательных центров Средней Азии являлась Бухара. Образование в Бухарском эмирате было ортодоксально религиозным. Только на территории Бухарского эмирата существовало более 150 медресе, в которых обучались около 20 тысяч студентов со всей Средней Азии (Becker, 2004). Дисциплины, изучаемые студентами медресе, были направлены в основном на изучение арабской грамоты и литературы, сур Корана (таджвид, тафсир), исламского права (фикх), но изучались и прикладные дисциплины, такие как математика, химия, астрономия (Abdirashidov, 2011). Светское образование отвергалось одной ортодоксально-религиозной частью общества Туркестана, для другой же оно было недоступным, так как его в большой степени можно было получить только за пределами Туркестана.

В мактабах основной упор делался на религиозное образование: изучение Корана, основ ислама, арабского языка и религиозной литературы. Помимо этого преподавались основы грамматики родного языка, арифметика и каллиграфия (Mixon, 2011). Светским дисциплинам, таким как география, история, естествознание, уделялось мало внимания либо вовсе не уделялось. Содержание образования и его качество нередко зависели от конкретного учителя (муллы). В мактабах не применялась классно-урочная система, переход из класса в класс не производился. Продвижение учащегося в образовательном процессе происходило в большинстве случаев от книги к книге, то есть, прочитав и усвоив одну, переходили к следующей (Abdirashidov, 2011). При этом не применялись экзаменационные испытания, что усложняло контроль за качеством образования. В мактабах нередко были случаи применения мер физического воздействия на детей (битье палкой по пяткам, лишение обеда, выкручивание ушей и т.д.), и это нередко поощрялось родителями учащихся (Nalivkin, 1913). Но это был типично не только для азиатского образования. Например, телесные наказания в школах некоторых штатов США сохранялись даже во второй половине XX века.

Показательно, что за включение русского языка в программу обучения в медресе и мактабах Туркестана выступал А. Ф. Керенский, в 1889 году назначенный на должность главного инспектора училищ Туркестана (Sumarokova, 2016).

Спорно мнение о том, что старометодная школа не требовала глубокого понимания содержания обучения, что она была основана, как правило, на автоматическом заучивании религиозных текстов. С позиций современного языкознания речь идёт о варианте буквослагательного метода обучения чтению, который использовался ранее во многих странах мира, в том числе в России с XVI до середины XIX веков (Khairutdinova et al., 2022). Таким образом, для узбекистанского образования это был закономерный, эволюционный переход на новый, звуковой метод обучения чтению, что примерно в то же время происходило и у других передовых мусульманских народов. При этом нет сомнений, что старометодная (кадимистская) школа вплоть до конца XIX века отражала реальное состояние узбекского общества и его потребности в деле образования народных масс.

Процесс самореформирования религиозного образования

В 1880-е годы как идеология исламского модернизма в Российской империи зародилось джадидское движение. Несмотря на то что его непосредственным основателем стал крымский татарин, общественный деятель и педагог Исмаил Гаспринский, одним из предпосылок этого движения являлось татарское просветительство, успешно развивавшееся на протяжении XIX века (Mixon, 2011). Его выдающиеся представители – Ибрагим Хальфин, Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри и другие просветители – определили стратегические пути развития образования не только татар, но и других тюркских народов, в том числе благодаря тому, что придавали важное значение изучению русского языка. Например, Каюм Насыри видел в этом путь к приобщению к мировым достижениям, доказывал, что татары должны изучать русский язык, знать историю и культуру своей страны (Kalimullin, 2009). Несомненно ключевая роль в этом процессе Исмаила Гаспринского, как идеолога джадидизма, благодаря которому развернулась огромная работа по реформированию старометодных школ.

К концу XIX века реформаторские тенденции в мусульманском образовании распространились и на Туркестан. Это новое прогрессивное движение было первой буржуазной реформой в мусульманском мире, которая первоначально затронула образовательную сферу, а затем предложила переоценку и улучшение религи-

озной этики, веры, правосудия, здравоохранения, статуса женщин и всех аспектов жизни (Abdirashidov, 2011).

Востребованность идей джадидов была обусловлена недостатками устаревшей системы образования, которая, как уже указывалось, не отвечала требованиям времени и была основана на схоластическом обучении. Это определяло низкий уровень грамотности населения с точки зрения светского образования и в конечном счете тормозило общественный прогресс. Серьезным тормозом являлись социально-экономическая отсталость и низкий уровень жизни большей части населения Туркестана по сравнению со странами Европы и Россией (Jumaniyazov, 2018).

Появление движения джадидов стало ответом на давно зревшие внутренние проблемы общества и было поддержано в первую очередь интеллигенцией Туркестана, осознававшей необходимость перемен и готовой к решительным действиям (Mixon, 2011). Джадидское движение началось с перестройки узбекской национальной школы (мактабов и медресе) и продолжилось призывами к изменению быта населения на основе европейской и русской культуры. Реформа началась с создания новометодных (джадидских) школ, постепенно вступивших в соперничество со старометодными (кадимистскими), которые поддерживала местная знать и большая часть духовенства. Вместе с тем формировавшаяся национальная буржуазия остро нуждалась в грамотных кадрах, способных заниматься торгово-промышленными операциями с различными странами мира (Glushchenko, 2011).

Помимо перехода к звуковому методу обучения чтению, к преподаванию светских наук и появлению строгого расписания, парт, настенных досок для письма, карт и наглядных пособий, важнейшим нововведением стало преподавание русского языка (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1878) Однако, по мере расширения джадидского движения, отношение его различных представителей к использованию русского языка оказалось далеко не одинаковым. С одной стороны, на это влияла активная политика российского правительства, с другой – неоднородность самого движения джадидов, представители которого значительно отличались друг от друга по мировоззрению, происхождению, месту обучения и образовательному уровню (Mixon, 2011). Поэтому одна часть ратовала за внедрение русского языка в образовательный процесс, другая выступала за развитие родных, тюркских языков на территории Туркестана. Например, Махмудходжа Бехбуди – основатель первой новометодской школы в Самарканде в 1903 году – издавал газеты («Самарканд», «Ойна»), активно выступал за просвещение, реформу образования и социальные изменения. Махмудходжа Бехбуди понимал важность изучения русского языка для модернизации общества и интеграции Туркестана в международное сообщество. Однако он предвидел и риски насильственного распространения русского языка в регионе, рассматривал его как угрозу для национального самосознания населения края (Abdirashidov, 2011). В целом Махмудходжа Бехбуди не призывал к отказу от русского языка и русской культуры, а скорее видел в русском языке инструмент для получения знаний, необходимых для развития его родины. Эта позиция отражала взгляды значительной части джадидов, которые трезво понимали необходимость языковой адаптации для полноценной жизни в рамках единого государства.

Социально-экономическая мотивация к изучению русского языка

Летом 1884 г. генерал от инфантерии Н. О. Розенбах, только что назначенный на должность Туркестанского генерал-губернатора, собрал в Ташкенте особую секретную комиссию, на которую возложил выяснение вопроса о том, что нужно и можно предпринять в сфере интеллектуальной жизни туземного населения. Полученные рекомендации сводились к «признанию желательным и полезным

приступить к распространению среди населения знаний русского языка и общеобразовательных предметов...» (Nalivkin, 1913). Возможность проведения таких смелых реформ можно было ускорить при одобрении мусульманского духовенства. Ставился вопрос о внесении в учебные программы медресе и мактабов обучение русскому языку и русской истории. Данное предложение русских властей не могло найти понимания со стороны священнослужителей-преподавателей медресе и мактабов Туркестана (Sumarokova, 2016).

Тем не менее, под влиянием экономических факторов часть местного общества поддержала внедрение русского языка в общественную среду, так как для одних оно отвечало их личным интересам, другие же видели в этом процессе новые возможности для торгового и культурного развития региона. К ним относились представители национальной элиты, лояльные к российской администрации, некоторые представители чиновничества, торговцев и т.д. Стремясь сохранить привилегии и укрепить своё положение, они шли на сотрудничество с российскими властями (Mixon, 2011). К ним примыкала часть интеллигенции Туркестана, которая осознавала необходимость расширения образовательных и научных границ, привлечения технических нововведений. Укреплялось понимание, что внедрение и развитие русского языка в социальные процессы поможет модернизировать общество и преодолеть отставание по многим направлениям. Многие видели в развитии русского языка не угрозу, а прежде всего путь интеграции в международную жизнь через Россию, которая сама переживала время серьезных политических, экономических и социальных перемен под влиянием буржуазных реформ 1860–1870-х годов (Ostroumov, 1899).

Показательно, что влиятельным представителем таких воззрений являлся эмир Абдулахад, правивший Бухарой с 1885 по 1910 годы. Он живо интересовался всем, что происходит в России, сам был в России несколько раз и отмечал достижения российской науки и культуры (Abdirashidov, 2011). Исмаил Гаспринский в своём журнале «Таржуман» №30 от 1894 года писал о встрече с эмиром Абдулахадом в Севастополе. В этой беседе Гаспринский, приняв во внимание слова эмира о том, что он сильно жалеет о незнании русского языка, обещает написать и издать специально для бухарских школ учебник русского языка под названием «Муаллими лисани русий» («Учитель русского языка»). Абдулахад, как видно из его слов, хотел внедрить русский язык в программу бухарских учебных заведений (медресе и мактабов). В 1895 году Абдулахад, вопреки наставлениям мулл, открывает первую русскую школу в Бухаре, в которой обучались около 40 учеников. Но раньше эмира Бухары русскую школу открыл в 1887 году Хивинский хан Мухаммад Рахимхан II. Данное событие было описано также в газете Гаспринского «Таржуман» в №24 от 1887 года. Школа была по меркам того времени очень большая и включала в себя 34 комнаты. Учителями в данную школу были приглашены выпускники Ташкентской семинарии (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1905).

Была и ещё одна категория граждан, ориентированных на российский рынок, – это торговцы и предприниматели Туркестана, прежде всего торговцы хлопком. Эти граждане видели в распространении русского языка путь к унификации законодательной системы региона, а вместе с ней и облегчение ведения бизнеса, расширение торговых связей и выход на российский рынок (Mixon, 2011). России требовались крупные объёмы хлопка, мелкие торговцы начинали поставлять хлопок на российский рынок в больших объёмах и зарабатывали крупный капитал. Эти представители зарождающейся торговой буржуазии оказали значительное влияние на развитие движения джадидов в регионе, оказывая финансовую поддержку новометодных школ и газет (Abdugafurov, 2013).

Роль светских учебных заведений, открытых российским правительством

Преследуя цель максимально быстрой интеграции Туркестана в общероссийскую жизнь, правительство России уделяло большое внимание созданию сети светских русскоязычных школ и подготовке учительских кадров для них. Следствием этого стало решение о создании по всей территории Туркестана русско-туземных школ начального и среднего образования, в которых преподавался русский язык, его грамматика и фонетика, а также математика (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1869; Ostroumov, 1899). Вместе с этим в таких школах местными учителями преподавалось мусульманское чтение и письмо на родном (узбекском) для жителей языке. В русско-туземных школах часы, выделенные на дисциплины на русском языке и дисциплины на местном (узбекском) языке, распределялись в равных пропорциях (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1888). Для подготовки кадров в 1879 году было открыто первое профессиональное учебное заведение – Туркестанская учительская семинария в Ташкенте.

Основной целью создания русско-туземных школ и училищ было не просто обучение русскому языку, но интеграция молодых туркестанцев в культурное поле России и приобщение их к общеевропейским ценностям. Для реализации такой образовательной политики был использован весь инструментарий, который находился в распоряжении Российской империи. Научно-педагогический потенциал был подкреплён необходимым дидактическим материалом и средствами обучения, которые исправно поставлялись в русско-туземные школы и училища (Valeeva & Kalimullin, 2024). Русско-туземные школы и училища были на полном государственном довольствии, в них большое внимание уделялось санитарным правилам и нормам (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1878). Образовательные учреждения Туркестана (русско-туземные школы, училища, семинарии и т.д.) периодически подвергались инспекциям и проверкам разного уровня, что позволяло поддерживать процесс образования на должном уровне (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1876).

Основное отличие русско-туземных школ от мактабов заключалось как в содержании и формах обучения, так и в наличии государственного контроля за качеством образования. В русско-туземных школах категорически осуждались телесные наказания как методы воспитания и обучения, о чем свидетельствует «Докладная записка инспектора по надзору за просвещением Туркестанского края заведующему 4-го русско-туземского училища Зубареву», который писал о недопустимости подобных мер воздействия на учащихся (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1888).

Педагогический коллектив русско-туземных образовательных заведений был разнородным. Это могли быть и учителя из России, и выпускники Ташкентской учительской семинарии, хорошо владевшие русским языком, и учителя из числа местного населения, которые вели процесс обучения на родном для учащихся языке и преподавали дисциплины религиозной направленности (мусульманское чтение и письмо), что способствовало привлечению новых учащихся в такие школы (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1878).

Популярность русско-туземных училищ и школ в начале XX века медленно, но неуклонно росла. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что учёт национальных особенностей местного населения в процессе обучения, а также ввод в содержание образования дисциплин религиозной (исламской) направленности стали давать положительный результат. Как правило, учебная нагрузка была в равной степени распределена между изучением дисциплин на русском языке (чтение, письмо, арифметика) и преподаванием религиозных дисциплин (рели-

гиозное чтение и письмо) на местном (узбекском) языке (Archive of the Republic of Uzbekistan, 1905).

Рост количества русско-туземных школ был значительным, но он не шёл ни в какое сравнение с количеством медресе и матабов на территории современного Узбекистана. Соотношение было примерно один к десяти в пользу медресе и мактабов (Gramenitsky, 1896). Со стороны российской администрации предпринимались попытки купировать этот дисбаланс и внедрить в учебные программы местных образовательных учреждений русский язык. Но такие попытки находили противодействие со стороны мулл и мударисов в связи с религиозным антагонизмом исламского и христианского вероисповедания (Sumarokova, 2016). В целом русско-туземные школы представляли собой образец достаточно сбалансированного сочетания русского (светского) и национального (религиозного) образования, что полностью опровергает односторонние выводы отдельных исследователей.

Дискуссионные вопросы

Развитие русского языка на территории бывшего Туркестана имеет более чем 150-летнюю историю. Достаточно небольшая группа людей, владевшая им в конце XIX века, в результате целенаправленной языковой политики российского, а затем советского государств разрослась к моменту распада СССР до впечатляющих размеров. В 1989 году русским языком в разной степени владели более 13 миллионов узбекистанцев, в частности от 70 до 80% городских и до 40% сельских жителей (Menter & Kalimullin, 2025). В настоящее время русский язык имеет негласный статус языка межнационального общения в современном Узбекистане. В последние годы вновь возрождается его востребованность в учебных заведениях. Однако для объективного понимания его перспектив мы вынуждены вновь обращаться к истории распространения русского языка на территории края, беспристрастно анализировать достижения и просчеты этого процесса на основе исторических фактов, но с пониманием неизбежности некоторых явлений, происходивших здесь. Этот ракурс дает возможность сформулировать ряд дискуссионных вопросов, которые позволяют обосновать понимание многогранного характера распространения русского языка на территории Туркестана в прошлом и которые будут неизбежно проецироваться на текущие и будущие события.

Насколько актуален исторический опыт для современных реалий

В этой связи необходимо трезво понимать, что мероприятия российского правительства по продвижению русского языка в Туркестане в конце XIX – начале XX веков были продуманными и целенаправленными. С момента закрепления Российской империи в регионе был начат активный поиск инструментов взаимодействия новой власти с населением присоединенных земель (Khairutdinova et al., 2023; Nalivkin, 1913). Правительство России ставило перед собой цель внедрения русского языка в социальную среду Туркестана и сближения с новообразованными «подданными Российской империи», несмотря на исторический и идеологический антагонизм христианской и мусульманской цивилизации (Sumarokova, 2016). Внедрение русского языка в общественную и образовательную среду проходило неоднозначно. Данный процесс встречал противодействие со стороны различных слоев населения Туркестана, особенно противилось ему религиозное духовенство (Ostroumov, 1899). Тем не менее, под влиянием политических, экономических и социальных факторов языковая политика российского государства последовательно становилась все более успешной, достигнув своего апогея в советское время.

Этот действительно феноменальный по результатам опыт совершенно неприменим в настоящее время прежде всего потому, что сегодня Узбекистан является суверенным, динамично развивающимся государством. Какое-либо давление извне и навязывание русского или других языков невозможно. Более того, интеграция в мировую экономику сделала более востребованным в учебных заведениях в последние десятилетия английский язык, что рождает новое поколение узбекистанцев, которые, возможно, в будущем будут использовать именно его для коммуникации.

Вместе с тем все еще сохраняется внушительный слой взрослого русскоязычного населения в многонациональном Узбекистане. По разным источникам, в 2025 году русским языком в различной степени владеет от 14.2 до 18.5 процентов узбекистанцев (Jiang, 2020). Однако в последующие годы этот показатель будет неизбежно снижаться, что особенно ярко уже сейчас проявляется в небольших городах и сельской глубинке. Эта проблема ставит задачу поиска новых форм преподавания, повышения востребованности в различных сферах жизнедеятельности и государственной поддержки русского языка со стороны как Узбекистана, так и России, что, безусловно, является одним из условий для равного и взаимовыгодного сотрудничества двух стран в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Трансформация интереса к изучению русского языка

В условиях царской России мотивация к изучению русского языка поддерживалась государственной политикой и обусловленными ею социальными и экономическими привилегиями. Умение общаться на русском языке позволяло найти лучшую работу в административных структурах, заработать деньги на торговле, повысить свой статус, что было особенно важно для непривилегированного населения в условиях прежней социальной структуры общества (Becker, 2004). Вместе с тем необходимо отметить, что поддержка распространения русского языка этой частью общества тоже не всегда была безоговорочной и единодушной. Даже те, кто видел в развитии русского языка в регионе какие-либо выгоды, могли критично относиться к отдельным элементам такой политики. Тем не менее наличие неуклонно увеличивавшейся группы чиновничества и представителей торгового капитала свидетельствовало о том, что языковые процессы представляли собой разнородное явление, которые нельзя сводить только к сопротивлению русскому языку со стороны населения Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств (Jumaniyazov, 2018).

Этот процесс успешно развивался в крупных городах, где русский язык уже не рассматривался как враждебный, а воспринимался как путь к жизненному успеху и благополучию, способ постижения новых культурных ценностей. Такой подход стал еще более признан в советское время, когда условием карьерного роста, наряду с принадлежностью к коммунистической партии, являлся фактор лояльности к партийным и советским структурам, что тоже предполагало достаточно уверенное владение русским языком (Glushchenko, 2011).

Этот несомненный стимул к изучению русского языка исчез в постсоветское время. Согласно Закону «О государственном языке Республики Узбекистан» в редакции 2021 года, узбекский язык – язык, на котором ведётся делопроизводство, учётная, статистическая и финансовая документация в системе законодательной, исполнительной и судебной властей Узбекистана, а также в других государственных органах и организациях (Law of the Republic of Uzbekistan, 1995). Со вступлением в силу данного закона в 2005 году русский язык приобрёл негласный статус «языка межнационального общения» и является вторым по его востребованности

в обществе – после государственного узбекского языка, особенно в крупных городах Узбекистана. В этом контексте в последние годы намечается тенденция к повышению интереса к русскому языку в обществе. Можно назвать несколько причин данного процесса: исторические связи, образование, культурологический фактор, международные отношения.

Интерес к изучению русского языка сохраняется, но необходимы новые формы организации и поддержки этого процесса, особенно в условиях серьезной конкуренции с учебными заведениями Британии, США, Турции и других стран.

Миграционные процессы как фактор развития русского языка

Исторически немаловажным фактором распространения русского языка на территории Туркестанского края являлась переселенческая политика Российской империи. В процессе присоединения Туркестана к России царское правительство, наряду с социально-политическими и экономическими мерами, проводило политику колонизации, то есть заселения крестьянами-переселенцами территорий этого края (Fomchenko, 1983). Данный процесс на разных этапах его воплощения в жизнь имел неодинаковый результат, но, так или иначе, в Туркестан было переселено 197 419 человек из Российской империи (по данным переписи 1897 года). В дальнейшем эта цифра увеличилась и достигла к 1905-му году 454 000 человек. В большей части была заселена территория современного Казахстана. На территорию современного Узбекистана было переселено около 70 тысяч человек (Fomchenko, 1983). Значительная часть переселенцев оседала в крупных административных центрах, таких как Ташкент, Самарканд, Фергана и т.д. Безусловно, переселенческая политика преследовала цель укрепить позиции России в Центральной Азии, получить контроль над торговыми путями, доступ к природным ресурсам и прежде всего к хлопку (Jumaniyazov, 2018). Вместе с тем, переселенцы принесли с собой новые формы хозяйствования, технические новшества и, пожалуй, самое главное – создали мультикультурную среду в регионе, средством коммуникации в которой стал русский язык (Ostroumov, 1899). Достаточно большие группы русскоязычного населения были интегрированы в жизнь Узбекистана после Гражданской войны и особенно в результате эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Ситуация зеркально изменилась в последние 2-3 десятилетия, когда переселение в форме трудовой миграции стало происходить в обратном направлении – из Узбекистана в Россию. По данным Агентства миграции при кабинете министров Узбекистана, в России сейчас может находиться более 2 миллионов узбекистанцев. Необходимость коммуникации на рабочем месте, требования к сдаче экзамена по государственному языку РФ, обучение в российских вузах и т.д. – всё это новые формы мотивации узбекистанцев к изучению русского языка (Kalimullin & Valeeva, 2022).

Заключение

Несмотря на кардинальные геополитические изменения на постсоветском пространстве за последнее тридцатилетие, русский язык по-прежнему выступает в центральноазиатском регионе в качестве основного инструмента межнационального общения. Недопустимо оценивать имперскую и советскую языковую политику, принимая во внимание лишь ее отрицательные или положительные стороны. Следует признать наличие достаточно больших групп населения в постсоветских странах, использующих русский язык. Это обстоятельство делает актуальным вопрос о будущем русского языка, в частности о его изучении и преподавании. Несмотря на глубокие исторические корни, в целом наблюдается отрицательная динамика

его распространения, в частности волнообразное снижения уровня использования в учебных заведениях, средствах массовой информации, противоречивая государственная поддержка.

В Республике Узбекистан русский язык хотя и не имеет официального статуса, но де-факто является языком межнационального общения и вторым по распространённости в стране после узбекского. Однако нарастающее влияние международных трендов, связанных с интеграцией в единое мировое экономическое, политическое и культурное пространство, влекут за собой потенциальные изменения в языковой ситуации в стране. В этой связи объективное понимание истории распространения русского языка на территории современного Узбекистана, проблем и достижений этого процесса позволяют наладить продуктивное сотрудничество двух стран в этой сфере с целью взаимовыгодного геополитического партнерства в Центральной Азии.

Специфика дореволюционного этапа распространения русского языка в образовании Туркестана заключена не только в имперском давлении сверху, что являлось типичным явлением при политическом и экономическом освоении любых присоединенных земель, но и в появлении среди местного населения прогрессивно настроенных представителей джадидистского движения, торговых кругов, интеллигенции, понимавших важность приобщения к другой культуре. Несмотря на различные формы противодействия этому процессу, нельзя отрицать, что русский язык, как система коммуникации, обрёл к началу XX века своё место среди многих языковых систем Туркестана. Так сформировалась основа для его более широкого распространения в советский период истории Узбекистана, что, однако, в дальнейшем не подорвало позиций узбекского языка, единолично имеющего сегодня статус государственного в стране. Всесторонняя оценка этой проблемы является условием для плодотворного политического, экономического и культурного взаимодействия Республики Узбекистан и Российской Федерации.

Список литературы

- Абдирашидов, З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. – Ташкент: Akademnashr, 2011. – 384 с.
- Архив РУз. Докладная записка начальника города Ташкента А.П. Петровского о состоянии народного просвещения Туркестанского края. НАУ (Ташкент), 1876. – Ф. I-36. – Оп. 1. – Д. 1457. – Л. 99–100.
- Архив РУз. Отчёт заведующего русско-туземным училищем №4 А.М. Максимова: за учебный год. Ташкент: Народное просвещение Туркестанского края, 1905. – Ф. I-276. – Оп. 1. – Д. 411. – Л. 23–25.
- Архив РУз. Переписка инспектора народного просвещения Туркестанского края с директором русско-туземного училища №4 города Ташкента Зубаревым о деятельности и состоянии учреждения. Народное просвещение Туркестанского края, 1888. – Ф. I-61. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 21.
- Архив РУз. Сведения о введении русской грамоты для туземцев // Народное просвещение Туркестанского края, 1869. – Ф. I-36. – Оп. 1. – Д. 458. – Л. 5–6.
- Архив РУз. Сведения о мерах по привлечению местного населения в русско-туземные школы и училища. Народное просвещение Туркестанского края, 1878. – Ф. I-276. – Оп. 1. – Д. 411. – Л. 1–3.
- Бекишев, А. А. История стран Центральной Азии в новое время (XVII – начало XX вв.): учебник. – Махачкала: ДГПУ, 2018. – 285 с.
- Глуценко, Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: ЛитРес, 2011. – 742 с.
- Граменицкий, С. М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. – Ташкент: Типо-литография торгового дома "Ф. и Г. Бр. Каменские", 1896. – Т. 5. – С. 62–68.

- Даудов, А. Х., Алимджанов, Б. А., Андреев, А. А., Шорохов, В. А., Янченко, Д. Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости // *Этнографическое обозрение*. – 2018. – № 5. – С. 146–161. – DOI: 10.31857/S086954150001481-9
- Закон Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. № 167-I «О внесении изменений и дополнений в Закон «О государственном языке Республики Узбекистан». – URL: <https://lex.uz/gu/docs/121433> (дата обращения: 20.06.2025).
- Калимуллин, А. М. История Татарстана и татарского народа. XIX век: учебное пособие. – Елабуга, 2009. – 54 с.
- Наливкин, В. П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: Издание А.Л. Кирснера, 1913. – 144 с.
- Остроумов, Н. П. Константин Петрович фон-Кауфман – устроитель Туркестанского края. – Ташкент: Типо-лит. Ф. и Г. Бр. Каменских, 1899. – 286 с.
- Рахимов, М. А. Новейшая история Узбекистана: учебник. – Ташкент: Адабиёт учкунлари, 2018. – 512 с.
- Сумарокова, О. Л. Модернизация конфессиональных школ Туркестанского края в контексте государственной языковой политики Российской империи: факторы неэффективности // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. – 2016. – Т. 16. – № 4. – С. 194–197.
- Фомченко, А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект): монография. – Ташкент: Фан, 1983. – 128 с.
- Цзян, П. Языковая политика стран Центральной Азии в аспекте влияния на инициативу «Один пояс, один путь» // *Молодой ученый*. – 2020. – № 38 (328). – С. 156–162.
- Abdugafurov, R. Muslim Views on Christians and Jews in Uzbekistan: Historical and Current Perspectives: PhD dissertation. – Laramie: University of Wyoming, 2013. – 85 p.
- Becker, S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. – 2nd ed. – London: Routledge, 2004. – 438 p. – DOI: 10.4324/9780203390832
- Continuous Teacher Education in Russia: History, Current Practices and Future Directions / Ed. by R. A. Valeeva, A. M. Kalimullin. – Emerald Publishing Limited, 2024. – DOI: 10.1108/9781837538522
- Egamberdiyev, M., Ospanova, A. Problems of Education in Turkestan in the Late 19th – Early 20th Centuries // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 131. – Pp. 314–318. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.04.123
- Jumaniyazov, A. Americans Discover Central Asia: Russian Studies, Sovietology, and Orientalism: PhD dissertation. – West Lafayette, Indiana: Purdue University, 2018. – 285 p.
- Kalimullin, A. M., Valeeva, R. A. Teacher Education in Post-Soviet States: Transformation Trends // *The Palgrave Handbook of Teacher Education Research*. – Springer International Publishing, 2022. – Pp. 1–20. – DOI: 10.1007/978-3-030-59533-3_65-1
- Khairutdinova, R. R., Abdulakhamidova, B. N., Toroshov, T. K., Kaparov, A. Sh. The Russian Language in Kyrgyzstan through the Lens of Students // *Integration of Education*. – 2023. – Vol. 27. – No. 3. – Pp. 373–389. – DOI: 10.15507/1991-9468.112.027.202303.373-389
- Khairutdinova, R. R., Gromova, C. R., Zheltukhina, M. R., Chistyakov, A. A., Daitgadzhiev, G. M. Adaptation of the Classroom Cultural Diversity Climate Scale for Russia // *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. – 2022. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 248–265. – DOI: 10.29333/ejecs/1191
- Mixon, C. The Jadids in Bukhara: The Juxtaposition of the Reforms of Aini and Fitrat. – Ottawa: Library and Archives Canada, 2011.
- Öztürk, S. The Bukharan emirate and Turkestan under Russian rule in the revolutionary era: 1917–1924. – Ankara: İhsan Doğramacı Bilkent University, 2012. – 148 p.
- Pahlen, K. K. Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen, 1908–1909. – London: Oxford University Press, 1964. – 242 p.
- Sahadeo, J. Russian colonial society in Tashkent: 1865–1923. – Bloomington: Indiana University Press, 2007. – 316 p.
- The Reform of Teacher Education in the Post-Soviet Space: A Comparative Analysis of Fifteen Independent Countries / Ed. by I. Menter, A. M. Kalimullin. – New York: Routledge, 2025.

References

- Abdirashidov, Z. (2011). *Ismail Gasprinsky and Turkestan in the early 20th century: connections – relations – influence*. Akademnashr.
- Abdugafurov, R. (2013). *Muslim views on Christians and Jews in Uzbekistan: Historical and current perspectives* [PhD Dissertation, University of Wyoming].
- Archive of the Republic of Uzbekistan. (1888). Correspondence between the Inspector of Public Education of the Turkestan Region and the Director of Russian-Native School No. 4 of Tashkent, Zubarev, about the activities and condition of the institution (Fund I-61, File 1, Inventory No. 1). Department of Public Education of the Turkestan Region; National Archive of Uzbekistan (Tashkent).
- Archive of the Republic of Uzbekistan. (1878). Data on measures to attract the local population to Russian-native schools and colleges (Fund I-276, Inventory No. 1, File 411, folios 1–3). Department of Public Education of the Turkestan Region; National Archive of Uzbekistan (Tashkent).
- Archive of the Republic of Uzbekistan. (1869). Data on the introduction of Russian literacy for natives (Fund I-36, Inventory No. 1, File 458, folios 5–6). Department of Public Education of the Turkestan Region; National Archive of Uzbekistan (Tashkent).
- Archive of the Republic of Uzbekistan. (1876). Report by the head of the city of Tashkent A.P. Petrovsky on the state of public education in the Turkestan region (Fund I-36, Inventory No. 1, File 1457, folios 99–100). NAU; National Archive of Uzbekistan (Tashkent).
- Archive of the Republic of Uzbekistan. (1905). Report of the head of Russian-native school No. 4 A.M. Maksimov: for the academic year (Fund I-276, Inventory No. 1, File 411, folios 23–25). Department of Public Education of the Turkestan Region; National Archive of Uzbekistan.
- Becker, S. (2004). *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924* (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203390832>
- Bekishev, A. A. (2018). *History of the Central Asian countries in modern times (17th – early 20th centuries): A textbook*. DSPU.
- Daudov, A. H., Alimjanov, B. A., Andreev, A. A., Shorokhov, V. A., & Yanchenko, D. G. (2018). The State Policy of Identity in Uzbekistan during the Late Soviet Period and the Age of Independence. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*, 5, 146–161. <https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9>
- Egamberdiyev, M., & Ospanov, A. (2014). Problems of Education in Turkestan in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 131, 314–318. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.123>
- Fomchenko, A. P. (1983). *Russian settlements in the Turkestan region in the late 19th – early 20th centuries (socio-economic aspect): monograph*. Fan.
- Glushchenko, E. A. (2011). *Russia in Central Asia. Conquests and Transformations*. Litres.
- Gramenitsky, S. M. (1896). Outline of the development of public education in the Turkestan region. *Collection of materials for statistics of the Syr-Darya region* (pp. 62–68). F. and G. Kamensky Trading House Typo-Lithography.
- Jiang, P. (2020). Language Policies of Central Asian Countries in the Aspect of Influence on the Belt and Road Initiative. *Molodoj uchenyj – Young Scientist*, 38(328), 156–162.
- Jumaniyazov, A. (2018). *Americans Discover Central Asia: Russian Studies, Sovietology, and Orientalism* [PhD Dissertation, Purdue University].
- Kalimullin, A. M. (2009). *History of Tatarstan and the Tatar people. 19th century: A textbook*. Elabuga.
- Kalimullin, A. M., & Valeeva, R. A. (2022). Teacher Education in Post-Soviet States: Transformation Trends. *The Palgrave Handbook of Teacher Education Research* (pp. 1–20). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59533-3_65-1
- Khairutdinova, R. R., Abdulakhmidova, B. N., Toroshov, T. K., & Kaparov, A. Sh. (2023). The Russian language in Kyrgyzstan through the Lens of Students. *Integration of Education*, 27(3), 373–389. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.112.027.202303.373-389>
- Khairutdinova, R. R., Gromova, C. R., Zheltukhina, M. R., Chistyakov, A. A., & Daitgadzhiev, G. M. (2022). Adaptation of the Classroom Cultural Diversity Climate Scale for Russia. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 9(2), 248–265. <https://doi.org/10.29333/ejecs/1191>

- Law of the Republic of Uzbekistan (1995). "On Amendments and Additions to the Law "On the State Language of the Republic of Uzbekistan". Law No. 167-I, 21st December. <https://lex.uz/ru/docs/121433>
- Menter, I., & Kalimullin, A. M. (Eds.). (2025). *The Reform of Teacher Education in the Post-Soviet Space: A Comparative Analysis of Fifteen Independent Countries*. Routledge.
- Mixon, C. (2011). *The Jadids in Bukhara: The Juxtaposition of the Reforms of Aini and Fitrat*. Library and Archives Canada.
- Nalivkin, V. P. (1913). *Natives Then and Now*. A.L. Kirsner Publishing.
- Ostroumov, N. P. (1899). *Konstantin Petrovich von Kaufman – Organizer of the Turkestan region*. F. and G. Kamensky Typo-Lithography.
- Öztürk, S. (2012). *The Bukharan emirate and Turkestan under Russian rule in the revolutionary era: 1917–1924*. İhsan Doğramacı Bilkent University.
- Pahlen, K. K. (1964). *Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen, 1908–1909*. Oxford University Press.
- Rakhimov, M. A. (2018). *Contemporary History of Uzbekistan: A textbook*. Adabiyot uchkunlari.
- Sahadeo, J. (2007). *Russian colonial society in Tashkent: 1865–1923*. Indiana University Press.
- Sumarokova, O. L. (2016). The modernization of the religious schools of Turkestan in the context of the state language policy of the Russian empire: the reasons for the failure. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta – Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 16(4), 194–197.
- Valeeva, R. A., & Kalimullin, A. M. (Eds.). (2024). *Continuous Teacher Education in Russia: History, Current Practices and Future Directions*. Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/9781837538522>